

ПРЯДЕИН В.С. (Верхняя Салда)

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ XX ВЕКА: НОВАЯ
ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

Чрезвычайно важное методологическое значение для историографии имеет периодизация становления исторической науки. Последняя является своеобразным внешним контуром, ориентиром для диахронного анализа различных конкретных историко-научных проблем, в том числе вопросов, связанных с изучением истории Великой Отечественной войны советского народа (1941-1945 гг.).

Не решен до конца вопрос о периодизации отечественной исторической науки послеоктябрьской эпохи. Большинство авторов историографических работ, вышедших со второй половины 60-х до середины 80-х гг., выражали принципиальное согласие с периодизацией советской исторической науки, выработанной в ходе дискуссии начала 60-х годов и изложенной в IV томе "Очерков истории исторической науки в СССР"¹. Ею выделялись следующие этапы:

I. Октябрь 1917 г. — середина 20-х гг. Время становления советской исторической науки, собирания и организации ею своих сил.

II. Середина 20-х — середина 30-х гг. Период утверждения марксистской науки, краха "буржуазно-дворянской историографии".

III. С середины 30-х гг. до 80-х гг. — "большой и сложный период" в дальнейшем поступательном движении советской историографии.

Со второй половины 80-х гг. сообщество советских историков все больше стало сомневаться в обоснованности, научности данной схемы; выдвигается тезис о ее "недееспособности"². Тем не менее, в исследованиях продолжает воспроизводиться "нечкинская" периодизация с некоторыми необходимыми дополнениями и непринципиального характера новшествами³.

Коренные изъяны традиционной периодизации оставались не преодоленными до недавнего времени. К таковым, по нашему мнению, относятся, во-первых, то, что диахронизация исторической науки коррелировалась не с реальными процессами общественного развития, а с умозрительными этапами псевдосоциалистического строительства. Во-вторых, в основе данной периодизации лежал линейно-прогрессистский подход, когда процесс развития исторической науки представлялся в виде неуклонного восхождения ко все более высоким рубежам.

Мы хотели бы предложить свой вариант периодизации отечественной исторической науки послеоктябрьской эпохи. Критерий такой периодизации должен, по нашему мнению, удовлетворять двум важнейшим требованиям теории изучения истории науки. Первое — единство интерналистского и экстерналистского подходов, то есть объяснение логики и особенностей развития научного знания исходя как из внутринаучных закономерностей, так и из социально-экономического и политического контекстов, из диалектического единства названных моментов. Второе требование. Критерий должен давать возможность охватить всю сложность, противоречивость, нелинейность движения науки.

Нам представляется, что указанным требованиям отвечает плюрализация познания, степень и характер которой служат для выделения тех или иных этапов периодизируемого процесса. Под плюрализацией социального познания мы понимаем присутствие в научном творчестве в той или иной форме принципа плюрализма — от плюрализма мнений в рамках какой-то одной методологии до методологического плюрализма и далее до синтагматизации (объединения) различных методологических подходов. Методологическое разнообразие питает качественный рост науки, является тем амортизатором, который предохраняет ее от жестоких кризисов и разрушения на ухабах общесторического развития, то есть методологический плюрализм отражает наиболее существенные характеристики состояния науки. Ценность данного критерия состоит и в том, что он отражает не только состояние науки, способ ее существования, но и реальное состояние, способ развития общественного организма в целом. Это мерило фиксирует качественную сторону исторического познания со всеми его нелинейностями.

В соответствии с обозначенным критерием мы бы выделили в истории отечественной исторической науки послеоктябрьской эпохи следующие периоды.

I. Октябрь 1917 г. — 20-е гг. Период, когда плюрализм еще существовал и в виде различных мнений в рамках утверждающейся марксистской социологии и методологии исторического познания и через иные философско-исторические направления, представленные взглядами С.Л.Франка, Р.Ю.Виппера, Л.П.Карсавина, В.М.Хвостова, А.С.Лаппо-Данилевского, К.М.Тахтарева, А.А.Богданова и др. Отечественная историческая мысль жадно впитывала в те годы все неординарное, что появлялось в западной философии истории и историографии: идеи М.Вебера, О.Шпенглера, А.Допша. В 1928 г. советские ученые впервые приняли участие во Всемирном конгрессе историков⁴. Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. было проведено немало дискуссий и обсуждений по различным теоретико-методологическим и конкретнo-историческим вопросам.

Характерно, что процесс плюрализации познания в эти годы имел нисходящую, регрессивную динамику: от методологического плюрализма первой половины 20-х гг., когда довольно сильные позиции занимала немарксистская историография, до плюрализма мнений внутри одного марксистского-методологического русла (вторая половина 20 х гг.) с "выплесками" порой за пределы последнего в силу

отсутствия официальной историографической концепции. Такая эволюция явилась следствием борьбы с “буржуазными” и “мелкобуржуазными” взглядами: принятие декрета о печати, решение о высылке видных интеллектуалов из России, закрытие истфаков в университетах, чистка Российской академии наук и т.д. Венцом этой борьбы стало письмо И.В.Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” “О некоторых вопросах истории большевизма” (1931 г.).

II. 30-е — середина 50-х гг. — время “полного” преодоления методологического плюрализма, утверждения официально-академического методологического тоталитаризма, преимущественно догматического стиля мышления. В эти годы были созданы основные историософские догмы в объяснении отечественной истории, заложены основы кризиса советской исторической науки. Последняя дистанцировалась от серьезного изучения западной историографии. На основе принципа партийности расцвели такие методологические явления, как субъективизм, конъюнктурщина, иллюстративный метод. Велась борьба с инакомыслящими вплоть до их физического уничтожения.

III. Середина 50-х — 60-е гг. Период своеобразного ренессанса плюрализма мнений, атмосферы дискуссий, методологических поисков; время исследовательского бума, вовлечения в научный оборот новых источников, преодоления ошибочных взглядов на отдельные проблемы, осуществления новых постановок и обобщений. Передовые ученые потянулись в эти годы к достижениям американско-европейской историографии. Оживленно обсуждались теоретические и философские аспекты исторического знания. Но все это в общем и целом не выходило за рамки марксистско-ленинского подхода к истории.

IV. 70-е — середина 80-х гг. Период несколько смягченного (по сравнению со сталинским временем) “просвещенного” неплюрализма, официально-партийного методологического тоталитаризма, приведших к тому, что кризисные явления в отечественной исторической науке, ослабленные в годы “оттепели”, приобрели свою качественную определенность и завершенность. Историкам навязывалась официальная точка зрения по всем проблемам их науки. Возродились комментаторство, цитатничество, субъективизм, догматизм, конъюнктурщина, описательность, беспроblemность изложения, некритическое отношение к источникам. Противоречия между конкретно-историческими материалом и партийными оценками порождали длительные и в значительной мере бесплодные дискуссии. В эти годы вышло немало

методологических трудов, но это был экстенсивный рост без положительных качественных сдвигов. Снова стали ограничиваться возможности для доступа историков к архивным источникам, резко уменьшилось количество публикаций документальных материалов, усилилась изоляция советской исторической науки от достижений мировой исторической мысли.

V. Со второй половины 80-х гг. Переходный период к новому качеству исторической науки. Возникли все расширяющиеся возможности для свободного научного творчества, плюрализации познания. Создаются предпосылки для вывода историографии из кризиса, осуществился отход от официальной исторической концепции, снимаются ограничения с использования источников. В статьях, монографиях, в рамках многочисленных дискуссий идет сложный, противоречивый процесс переосмысления исторических проблем. Устанавливается диалог с зарубежной историографией. Переходный период должен завершиться подлинной методологической революцией, созданием новых научных парадигм.

Мы полагаем, что в условиях следующего, постпереходного периода на передний план в качественном развитии отечественной исторической науки выйдут совершенно новые критерии и те из традиционных характеристик, которые имели раньше либо подчиненное положение, либо находились в тени, а именно: дифференциация и специализация научного знания; создание новых типов исторических описаний и на их основе — синтетической истории; синтагматизация (объединение) различных методологических подходов для решения тех или иных конкретных проблем; усиление связи теоретической методологии с конкретной историографической практикой, создание частных методологий-динамичных теоретико-методологических комплексов; расширение источниковой базы, формирование исследовательских кадров нового типа — с основательной теоретико-методологической подготовкой; появление новых оргформ науки; диалог с мировой исторической мыслью.

Как и всякая схема, предложенная нами периодизация не может охватить всего многоцветья реального процесса. Ближе к решению данной задачи диахронизация отечественной исторической науки XX в., предложенная В.Д.Камыниным⁵. В ней осуществлен отход от крупномасштабной периодизации к более дробной, конкретной. Главные же достоинства и новаторство этой периодизации заключаются, на наш

взгляд, в том, что в ней установлена органическая связь историографии рубежа XIX-XX вв. и советской историографии, история исторической науки связывается с реальными процессами общественного развития, а не с умозрительными этапами псевдосоциалистического строительства, осуществлен отказ от упрощенного линейно-прогрессистского подхода. Характеризуя отдельные этапы, В.Д.Камынин отмечает такие моменты, как формирование официальной концепции исторического процесса, отношение к ней исследователей; изменения в проблематике и источниковой базе; связи с зарубежной историографией; наличие дискуссий; общие условия функционирования науки. Видимо, все это даст в совокупности тот критериальный разворот, которым пользуется ученый. Но, во-первых, специально вопрос о критерии В.Д.Камынин не ставит. Во-вторых, нам представляется, что было бы целесообразно все вышеназванные элементы поместить в лоно обобщенного, интегрирующего, определяющего критерия — плюрализации исторического познания.

Так или иначе, сделан существенный, принципиально новый шаг в периодизации отечественной историографии XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 14-20.
2. НЕЧУХРИН А.Н., РАМАЗАНОВ С.П. Историческая наука и перестройка // История СССР. 1989. № 3. С. 309.
3. БАРСЕНКОВ А.С. Основные этапы изучения советского общества в исторической литературе // Вестник МГУ. Серия 8. История, 1990. № 2. С. 5.
4. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С. 17.
5. КАМЫНИН В.Д. К вопросу о периодизации отечественной историографии XX в. // Отечественная и всеобщая история. Методология. Источниковедение. Историография // Материалы научной конференции. Брянск, 1993. С. 79-83.